

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

существовании длительной традиции в создании правового и дипломатического стиля литературного языка, представленные же в нем черты народной разговорной речи при адекватном истолковании могут служить одним из надежных источников для установления путей развития литературно-письменного и народного языков в их взаимодействии.

Сопоставление данных разностильных письменных памятников показывает, что в разные моменты развития литературный язык противопоставлялся народно-разговорному по разным признакам, что свидетельствует о смене ситуаций.

-
- I W.Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Leningrad, 1928, с.69.
 - 2 Ук.соч., с.73.
 - 3 Ук.соч., с.68-76.

И.И.Цукерман

GEŪAN ИЛИ KŪŪAN ?

(к вопросу о возникновении окказиональных форм)

М.Б.Руденко принадлежит заслуга обнаружения в языке средневековой курдской литературы на севернокурдском наречии (курманджи) второго (наряду с *ûm* 'быть', 'становиться') глагола со значением 'становиться, делаться'. В двух статьях, посвященных этому наблюдению^I, автор на многочисленных примерах вполне убедительно показывает, что в значении становления - правда, только в формах простого прошедшего времени - употребляется глагол, передаваемый в арабской графике كریان. Указывая на то, что для передачи фонемы /g/ в рукописях употребляется тот же знак گ (без "саркеша"), что и для фонемы /k/, автор - по-видимому, без всяких колебаний - предлагает в исследуемых формах видеть курдский глагол geŭan 'ходить, бродить, гулять, искать', который в данных текстах - по аналогии с персидским گرديد - омонимически обозначает также 'становиться, делаться'.

В этом пункте и возникает наше сомнение, основанное на возможности принципиально иного чтения, находящего для себя почву

внутри курманджи - в живых, все еще продуктивных правилах его словообразования. Мы предлагаем написание ^{کریا} kirya, усматривая здесь форму глагола ^{کریان} kiryan - интранзитива от неправильного переходного глагола kirin 'делать', - который (kiryan) вполне естественно и логично должен передавать значение 'делаться, становиться, превращаться'.

Такой глагол отсутствует в курдских словарях, перечисляемых М.Б.Руденко, но его можно обнаружить в известном диалектологическом исследовании Д.Н.Маккензи². Д.Н.Маккензи толкует kiryan (наст.осн. -kirê-) 'be done' как единичное отражение ижнокурдского суффиксального пассива на -ge в курманджийском говоре района Екê. С этим можно вполне согласиться, принимая во внимание пограничное (маргинальное) положение говора Екê. Но не наблюдаем ли мы при этом процесс подключения kiryan к системе интранзитивов курманджи, а не просто функционирование одиночной формы ижнокурдского суффиксального пассива, для которого в курманджи нет опоры? Во всяком случае для истолкования формы kirya в с и с т е м н о - с и н х р о н и ч е с к о м п л а н е, да еще в районах, отдаленных от ижнокурдского ареала, нет надобности - как нам представляется - выходить за пределы курманджи, в глагольном словообразовании которого представлен ряд случаев интранзитивации переходного глагола посредством суффикса -(i)ya, присоединяемого к настоящей основе исходного глагола (нередко с перегласовкой корневого гласного); ср. rêtin, наст.осн. -rêj-, 'лечь' > rij(i)yan 'лечься'; pe'tin, наст.осн. -pêj-, 'печь' > pij(i)yan 'печься'.

В нашем случае, однако, интранзитивный суффикс -(i)ya присоединяется не к настоящей основе -k-, а прошедшей -kir-. Почему? Нам кажется, что это обусловлено малой звуковой протяженностью настоящей основы -k-, не способной достаточно отразить исходный глагол; *kya 'делаться' не возникло, не было "порождено" потому, что оно не ассоциировалось бы с kirin 'делать'. Между тем для интранзитивов на -(i)yan характерен - по преимуществу - корень, представляющий собой закрытый слог, во всех случаях обеспечивающий надежную связь с соответствующим переходным глаголом. Этим требованиям не удовлетворяет настоящая основа -k- (глагола kirin), но зато им вполне соответствует прошедшая основа -kir-, на базе которой и образуется интранзитивная основа -kir(i)ya-, и таким образом именно -kir(i)ya- легко и свободно включается в созвучный функциональный ряд: pij(i)ya, rij(i)ya, liv(i)ya, tirs(i)ya, qel(i)ya, west(i)ya и т.д.

Что касается отсутствия примеров для форм настоящих времен глагола kiryan, то это объясняется все теми же трудностями

образования удовлетворительной настоящей основы для интранзитива от глагола *kirin*. Форма *dike* не может обозначать 'делается, превращается' потому, что она уже обозначает 'делает, превращает': напр., *dike sabûn* значит 'превращает в мыло', но не 'делается мылом'. Но и *dikire sabûn* не может передавать 'превращается в мыло', потому что оно значит 'превращал в мыло'. Нам представляется, что если дополнительно будут обнаружены формы настоящих времен от интранзитива *kir(i)yan* (они относительно редки и для глагола *bûn*), в их составе окажется основа *-kirê-*, как в текстах Маккензи, записанных в *жкê*.

Теперь мы знаем, почему форма *کریا* так редка: она окказиональна в силу особенностей звуковой структуры исходного глагола *kirin*, настоящая основа которого состоит из одного согласного. Почему же она все-таки время от времени возникает? Возможно, на тех же основаниях, на каких в других языках наряду со значением 'стал' передается и значение 'сделался': *bû wezîrê p'adşa* 'стал царским вазиром', возможно, в меньшей мере предполагает активность субъекта, чем *kirya wezîrê p'adşa* 'сделался царским вазиром'. Ср. в одном тексте³: *P'adşê eva xorta kire wezîrê xwe* 'Царь сделал этого юношу своим вазиром'; *xort dibe wezîrê p'adşê* 'Юноша становится царским вазиром'.

Но если даже считать, что значения 'сделать, превратить' (для *kirin*) и 'стать, превратиться' (для *bûn*) вполне соотносительны и идентичны, скажем, соотношению 'лить' (для *gêtin*) и 'литься' (для *rij(i)yan*), остается супплетивизм *kirin* - *bûn*, который тоже способен вызывать - хотя бы окказионально - формы однокорневого с *kirin* интранзитива *kir(i)yan*.

¹ М.Б.Руденко: I) Глагольная форма *کریا* (*geŷya*) в памятниках средневековой курдской литературы (на северном диалекте), III и ПИКНВ, IV, М., 1968, с.120; 2) функция глагола *کریان* (*geŷyan*) в текстах средневековой курдской литературы на северном диалекте (курманджи), III и ПИКНВ, VIII, М., 1972, с.200-203.

² D.N.Mackenzie, *Kurdish dialect studies*, I, London, 1961, p.195, 237 и также 118-119; II, London, 1962, p.258.

³ Курдские народные сказки, II, Запись, предисловие и комментарии А.Джиди, Ереван, 1962, с.23.